

УДК 811.511.131

Н. В. Кондратьева, Ж. Шаланки

**КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ
УДМУРТСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ)¹**

Кодовое переключение как лингвистическое явление, с одной стороны, представляет собой переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации; с другой – это взаимодействие структур и структурных элементов двух языков. Его реализация в речи обусловлена целым рядом причин: экстралингвистических, интралингвистических (собственно лингвистических), психофизиологических.

Основной целью данной статьи является выявление структурных типов и лексико-семантических характеристик явления кодового переключения на материале глагольных форм в речи носителей удмуртского языка в условиях удмуртско-русского билингвизма. В ходе исследования было выявлено, что, в отличие от именных частей речи, глаголы менее подвержены явлению кодового переключения.

Для матричного (удмуртского) языка характерно три типа включения глагольных форм из языка-донора: а) использование вспомогательного глагола (light verb strategy); б) непрягая вставка (indirect insertion), характеризующаяся присоединением специальных морфологических маркеров; в) семантическая вставка (semantic borrowing).

С точки зрения лексико-семантических характеристик явлению кодового переключения в условиях удмуртско-русского двуязычия наиболее подвержены вербальные единицы, отражающие когнитивную и духовную (эмоциональную, волевою) деятельность людей. Это еще раз доказывает важную роль психофизиологического фактора в возникновении явления переключения кодов.

Ключевые слова: удмуртский язык, удмуртско-русское двуязычие, кодовое переключение, матричный язык, глагол, лексико-семантическая характеристика глагола.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-590-598

В условиях активизации языковых контактов в современном обществе элементы одного языка все чаще проникают в структуру другого, образуя различные языковые и речевые явления, в частности, такие как интерференция, инкаляция, заимствование, калькирование, диффузия, семантический перенос и др. В этом ряду особый интерес представляют такие явления, как смешение кодов и кодовое переключение (или переключение кодов). По мнению одних ученых, указанные выше лингвистические термины можно рассматривать как синонимы. Другие исследователи подчеркивают разную природу происхождения смешения кодов и кодового переключения. В частности, с точки зрения авторов монографии «Исследование речевого мышления в психолингвистике» [ИРМ 1985], при смешении кодов оба языка участвуют лишь в «словесном представлении» (т.е. при выборе слов), в то время как «механизм грамматиче-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 21-512-23007 РЯИК_а

ского структурирования» задействует только один из языков [ИРМ 1985, 98]. В случае кодового переключения оба кода активированы как на уровне, определяющем поле номинации, так и «в схеме временной развертки, актуализирующей поле предикации» [ИРМ 1985, 94].

Системный подход при определении дефиниций кодового переключения и смешения кодов представлен в работе А. Ю. Мутьлиной, которая, опираясь на особенности перехода в речевой деятельности с одного языка на другой, предлагает выделять четыре основания для разграничения анализируемых понятий: структурно-лингвистическое, социолингвистическое, психолингвистическое и смешанное (социопсихолингвистическое, структурно-психолингвистическое, структурно-социопсихолингвистическое) [Мутьлина 2011, 53–54].

В отличие от заимствований, которые подвергаются фонетической и/или морфологической адаптации и интегрируются в словарный состав конкретной языковой системы, термином кодовое переключение обозначаются случаи сосуществования двух и более языков в конкретной речевой ситуации, которые могут также иметь дополнительные эмоционально-оценочные приращения [Балакина, Соснин 2015; Janurik 2015].

Таким образом, в данной работе кодовое переключение рассматривается как лингвистическое явление, отражающее «специфическую способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков» [Чиршева 2012, 295].

Основной целью статьи является выявление структурных типов и лексико-семантических характеристик явления кодового переключения на материале глагольных форм в речи носителей удмуртского языка в условиях удмуртско-русского билингвизма.

Объект исследования – продукты речевой деятельности билингвов, свободно владеющих как родным, так и русским языком. Предметом изучения выступает двуязычное внутрифразовое переключение кодов при неподготовленном, непринужденном общении как результат взаимодействия языков в условиях удмуртско-русского двуязычия. Материалы записаны в ходе полевых исследований, проведенных в 2021 г. в с. Малая Пурга Удмуртской Республики. Анализируемые тексты собраны у носителей удмуртского языка (представителей среднего и старшего поколения 25–85 лет).

В соответствии с поставленными задачами и характером анализируемого материала, в работе использован комплекс дополняющих друг друга методов исследования: метод лингвистического теоретического анализа научных концепций и подходов; метод полевого лингвистического анализа; опросные методы (интервью, беседа); сопоставительный метод, метод структурного и прагматического анализа фактов изменения кодового переключения в рамках предложения.

Рассмотрим подробнее структурные типы и лексико-семантические характеристики глагольных форм, ориентированных на стратегию кодовых переключений в условиях удмуртско-русского двуязычия.

1. Структурные типы переключения кода в речи носителей удмуртского языка

Одним из важнейших свойств предложения является предикативность, выражающая отношение высказывания к действительности, ко времени, условиям и др., а также актуализирующая цель высказывания по отношению к лицу, к которому обращена речь. Предикативные свойства предложения, как правило, реализуются через грамматические категории глагольных форм. При этом глагол является наиболее устойчивой частью речи при таких явлениях как кодовое переключение и заимствование. Как подчеркивают ученые, с точки зрения лингвистической типологии, глагольные формы намного реже проникают в структуру языка-реципиента. Так, опираясь на исследования зарубежных ученых, В. В. Баранова отмечает, что «в типологической выборке языков среди существительных оказалось 31% заимствованных, тогда как среди глаголов только 14%» [Баранова 2020, 8].

Исследуя особенности русско-китайского билингвизма, А. Ю. Мутьлина приводит следующее распределение по частеречной принадлежности китайских включений в речи респондентов-носителей русского языка: имена существительные (76,2%), прилагательные (11%), глаголы (7%), наречия (5,4%), междометия (0,2%), личные местоимения (0,2%) [Мутьлина 2012: 20].

Венгерский исследователь С. Немет, рассматривая особенности русско-мансийского двуязычия, выявляет следующее распределение русскоязычных включений в текстах на мансийском языке: имена существительные – 31%, союзы – 22%, глаголы и местоимения – по 8% соответственно, частицы и имена числительные – по 7% соответственно, наречия – 6%, остальные части речи – 11% [Németh 2018, 97]. Доминирование именных форм над глагольными характерно и в случае кодового переключения в условиях удмуртско-русского билингвизма.

По мнению Т. А. Архангельского, такое частеречное распределение, возможно, продиктовано особенностями методики исследования: чаще всего вопросы кодового переключения рассматриваются в синхроническом аспекте. Как отмечает ученый, имена легче включаются в словарь и быстрее уходят из него, т.е. на синхронном уровне мы увидим больше заимствованных имен, но не обязательно это будет в исторической перспективе (цит. по: [Баранова 2020, 8]).

Анализ использования глагольных форм в условиях билингвальной речи позволяет выявить несколько типов лингвистических стратегий. Большинство современных ученых придерживается классификации, предложенной Я. Вольгемутом [Wohlgemuth 2009]. Согласно данной классификации, существуют следующие типы включения глаголов языка-донора в текст языка-реципиента:

- а) прямая вставка (*direct insertion*), представляющая собой глагол-вставку в синтаксической структуре языка-реципиента без дополнительных маркеров;
- б) непрямая вставка (*indirect insertion*), когда в морфологической структуре глагола-вставки присутствуют морфологические маркеры языка-реципиента;
- в) сочетание со вспомогательным глаголом (*light verb strategy*);
- г) семантическая вставка (*semantic borrowing*), представляющая калькирование средствами языка-донора;
- д) вставка парадигмы (*paradigm insertion*) как заимствование глагола вместе со словоизменной парадигмой.

Каждый язык имеет свои стратегии использования тех или иных типов включения глагольных форм в структуру матричного языка. Что касается удмуртского языка, материалы полевых исследований показали наличие трех типов кодовых переключений. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1.1. Использование вспомогательного глагола

Наиболее частотной формой включения глагольных форм из языка-донора в структуру матричного удмуртского языка является использование вспомогательного глагола *карыны* со значением ‘делать’. Анализ собранных материалов позволяет утверждать, что чаще всего вербальная единица из языка-донора заимствуется в форме инфинитива и сочетается с финитными и нефинитными формами глагола *карыны* ‘делать’. При этом *карыны* ‘делать’ может присоединять показатели любых грамматических категорий глагола: *шыт пӧс'тыкым, сугонзэ о-дно жа-рит' карис'ко*. ‘Когда я варю суп, лук обязательно жарю’; *толон пра-зн'икын со высту-пат' кариз*. ‘Вчера на празднике он выступал’; *пыштуруынэн мон висёнъёсме л'эчит' карыли вал*. ‘Душицей я лечила свои болезни’.

Важно подчеркнуть, что в случае включения в удмуртский текст возвратного глагола, вспомогательный глагол *карыны* ‘делать’ приобретает рефлексивный показатель *-ськ(ы)-*: *карыны > кариськыны*: *ми договори-цца карис'ким ни дас часын пумис'кыны*. ‘Мы уже договорились встретиться в десять часов’; *соос пэрэгл'ану-цца карис'кызы*. ‘Они переглянулись’.

Таким образом, в условиях удмуртско-русского кодового переключения удмуртский глагол *карыны* ‘делать’ несет все грамматические показатели и примыкает непосредственно к ин-

финитивной форме глагола языка-донора. Между ними не может быть никаких других полнозначных и служебных слов. Исключение составляют лишь отрицания: *туннэ мон пар-ицца ук кар-ис'кы* 'Сегодня я не буду **париться** (в бане)'. Важно также отметить, что иногда в речи носителей удмуртского языка, по аналогии с русским языком, в императивных конструкциях отрицание может находиться в препозиции по отношению к глаголу-включению: *э 'н завидоват'кар, тынад но вуозы ай умой нуналыосыд*. '**Не завидуй**: и у тебя будут счастливые дни'.

Рассматривая использование вспомогательного глагола как основную стратегию явления кодового переключения в удмуртском языке, венгерский исследователь Л. Хорват не исключает следы влияния татарского языка: «It is, however, worth mentioning that Tatar has the same strategy, and it may not be a coincidence that Tatar has been in long-term contact with the Southern Udmurt dialects where these do-constructions are reported as being frequent» [Horváth 2018, 78].

1.2. Непрямое включение

Ядром данной стратегии является оформление глагола из языка-донора с помощью специальных аффиксов, к которым присоединяются словообразовательные и словоизменительные суффиксы языка-реципиента.

В структуре удмуртского языка морфологическое освоение иноязычного глагола происходит посредством суффикса *-т(ы)-* (в случае невозвратной формы) и *-чк(ы)-* (в случае возвратной формы):

а) *туэ гужэм ул'чамэс асфал'т'ироват'тозы*. 'Этим летом нашу улицу **будут асфальтировать**'; *глад'ит'тысал но, ут'угэ тийас'киз ай*. 'Я **погладила бы**, да утюг сломался'; *бэргэс зво-нит'ты* 'Позвони позднее';

б) *соин занимачкыны дыр овёл ал'и*. 'Нет времени сейчас этим **заниматься**'; *отжимачкыкыз кыыз гылзэм*. 'Когда он **отжимался**, рука соскользнула'.

Как видно из приведенных примеров, в структуре невозвратных глаголов маркер *-т(ы)* присоединяется с сохранением форманта *-ть* русского языка: *обсуждать* > *обсужда^{ть}тыны*; *решать* > *реша^{ть}тыны*. В формах возвратного глагола суффикс *-чк(ы)-* присоединяется к глагольной основе: *согласиться* > *согласичкыны*, *наслаждаться* > *наслаждачкыны*.

1.3. Семантическая вставка

В качестве отдельного типа явления кодового переключения в условиях удмуртско-русского билингвизма можно также выделить семантическую вставку (semantic borrowing), представляющую собой калькирование глагольной формы. Иными словами, в этом случае в матричном языке в качестве предиката выступает морфосинтаксическая структура из языка-донора. При этом грамматическое оформление вербальной единицы остается как в языке-доноре. Данное явление характерно как для положительных, так и отрицательных форм глагола:

а) положительные формы: *уд'ивл'а-йус'*, *кы-з'ы мон ун'ивэрсит'этэ пырыны быгати*. 'Удивляюсь, как я смогла поступить в университет'; *соос туж жэс обустро-илис'*. 'Они очень быстро **обустроились**';

б) отрицательные формы: *солы со н'э помо-жет ни*. 'Это ему уже не поможет'; *макэ бабушэ н'э отвэча-йэт ай*. 'Что-то бабушка не отвечает'; *мон н'э ду-мала, что туннэ та'чэ зороз*. 'Я **не думала**, что сегодня будет такой ливень'.

Интересно отметить, что в качестве семантической вставки могут употребляться случаи включения целой глагольной группы, например: *а кы-з'ы мон должна расплат'и-цца со чоры-гэс понна?* 'А как я **должна расплатиться** за его рыбу?'; «*не на-до давит' мон вылэ*», – шуи солы. '«Не надо давить на меня», – сказала ему'.

Таким образом, явление кодового переключения в условиях удмуртско-русского двуязычия представлено разными структурными типами (см. также: [Salánki, Kondratieva 2018; Шаланки, Кондратьева 2019]). Возможно, эти структурные различия обусловлены разными пси-

холингвистическими, коммуникативными, прагматическими факторами. Их изучение может стать предметом специальных научных изысканий.

2. Лексико-семантические особенности внутрифразового кодового переключения

Как и другие элементы языковой системы, глагол как класс слов характеризуется иноструктурностью семантики. С точки зрения В. Л. Ибрагимовой, «иерархизованная семантическая структура глагольного слова предопределяет последовательность его поуровневого вхождения в иерархизованную же структуру лексико-семантической системы языка на основе парадигматических связей. <...> Каждый глагол содержит в своей семантике субкатегориальный признак обобщённо-лексической природы (например, вербализация действия, процесса, отношения и т.д.)» [Ибрагимова 2014, 504]. На следующем уровне иерархии значения глагольных слов, с точки зрения исследователя, выявляются его индивидуально-лексические признаки, и вся совокупность глагольной лексики оказывается представленной отдельными конкретными лексико-семантическими вариантами слов. На низшем уровне семантической дифференциации глаголов их лексико-семантические варианты обнаруживают отношения непрерывной семантической связанности и способность группироваться в различные лексико-семантические парадигмы [Ибрагимова 2014, 504]. Естественно, что разные лексико-семантические группы глаголов по-разному отражены на уровне внутрифразового кодового переключения.

На основе анализа материалов, собранных в ходе полевых исследований в с. Малая Пурга Удмуртской Республики, нами были выделены лексико-семантические группы глаголов, наиболее подверженных явлению переключения кодов. Важно подчеркнуть, что в жанровом отношении эти тексты представляют собой рассказы о жизни, которые можно рассматривать как беспрецедентные нарративные тексты. Как подчеркивает Ю. Е. Галямина, достоинством подобных текстов является, с одной стороны, незначительное влияние коммуникативной ситуации; с другой – отражение актуального состояния билингвальной речи [Галямина 2012, 96–97]).

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, собранного в полевых условиях, отметим, что в научной литературе представлены различные классификации лексико-семантических групп глаголов. В данной работе мы будем использовать классификацию, представленную в лексикографическом издании «Русский семантический словарь», в котором предлагается выделять четыре группы глаголов [РСС 2007]:

- а) неполнознаменательные глаголы;
- б) бытийные глаголы;
- в) глаголы со значением действия, деятельности, деятельностного состояния, исходящего от активного субъекта;
- г) глаголы, обозначающие недеятельные процессуальные состояния – физические и физиологические.

С точки зрения изучения явления кодового переключения глагольных единиц, наиболее подверженным исследуемому явлению оказывается третья группа глаголов. Как показали результаты полевых исследований, среди глаголов-включений в речи носителей удмуртского языка наиболее частотными оказались вербальные единицы, выражающие эмоциональное состояние, чувства говорящего: *до-тово расстроички, зындэсме ыштыса*. ‘Очень **расстроилась**, потеряв кольцо’; *ми огмы но сойэ н'э уважа-йэт*. ‘Ни один из нас ее **не уважает**’; *малы ке ад'амийэз улэп дырйаз н'э цэ-н'ат*. ‘Почему-то человека **не ценят** при жизни’.

К группе глаголов, обозначающих чувства и состояние, примыкают глаголы, выражающие умственную деятельность, например: *н'э забуд'*, *йуказ'э лыктоно шуса*. ‘**Не забудь**, что завтра необходимо подойти’; *со пра-вилойэз мон пичи дырыс'эным запо-мн'ила*. ‘Это правило я **запомнила** с детства’; *а л' о ш а та-ки убэд'ил монэ кун'ан бас'тыны*. ‘Алеша все-таки **убедил** меня купить теленка’; *та вис'онэн сэрэн мон ва-н'зэ пэрэпутат'ти ни*. ‘Из-за этой болезни я уже все **перепутала**’.

Отдельную группу глаголов-включений составляют вербальные единицы, отражающие особенности трудовой деятельности, в частности: *картошка октэммы бэрэ ми обэза-т'эл'но муэйэмэз бороноват' карис'ком*. 'После того, как соберем картошку, мы обязательно **боро-нуем** землю'; *тўала вакытэ йэгитйос вышивачкыса уг уло ни* 'Современная молодежь уже не **вышивает**'; *«пин'мэ л'эчит'тыны уз лу ни»*, – *шуиз врач*. «Этот зуб уже **не вылечить**», – сказал врач'.

Как показывают результаты исследования, глаголы-включения в удмуртско-русских высказываниях в большей степени используются для выражения действий более абстрактного характера. Действия конкретного физического характера (в особенности глаголы движения) чаще всего передаются глаголами удмуртского языка. Тем не менее в речи представителей молодого поколения в последнее время наблюдается вытеснение базовых глаголов матричного языка лексемами из языка-донора. В отличие от этого в речи старшего поколения базовые глаголы практически никогда не подвергаются явлению кодового переключения.

Таким образом, явление кодового переключения наиболее часто встречается в группе глаголов со значением деятельности, деятельностного состояния, исходящего от активного субъекта.

Заключение

Переключение кодов и смешение кодов – два лингвистических явления, которые считаются наиболее распространенными моделями речевого поведения билингвов. Согласно классификации Г. Н. Чиршевой, выделяются следующие типы кодовых переключений: а) внутрифразовые, б) межфразовые, в) выбор кода (в случае, когда одна реплика произносится на одном языке, а другая – на втором) [Чиршева 2004, 16].

В данной работе на основе дистрибуции глагольных форм мы рассмотрели внутрифразовые типы кодовых переключений. В ходе исследования было выявлено, что, в отличие от именных частей речи, глаголы менее подвержены явлению кодового переключения.

Для матричного (удмуртского) языка характерно три типа включения глагольных форм из языка-донора: а) использование вспомогательного глагола (light verb strategy); б) непрямая вставка (indirect insertion), характеризующаяся присоединением специальных морфологических маркеров; в) семантическая вставка (semantic borrowing).

С точки зрения лексико-семантических характеристик явлению кодового переключения в условиях удмуртско-русского двуязычия наиболее подвержены вербальные единицы, отражающие когнитивную и духовную (эмоциональную, волевою) деятельность людей. Это еще раз доказывает важную роль психофизиологического фактора в возникновении явления переключения кодов.

ЛИТЕРАТУРА

Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основания переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–11.

Баранова В. В. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-Алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 7–18.

Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестник ТГПУ. 2012. № 1(116). С. 96–100.

Ибрагимова В. Л. Глагол в семантическом пространстве лексики // Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2014. Т. 19. № 2. С. 500–505.

ИРМ – Исследование речевого мышления в психолингвистике / Т. В. Ахутина, И. Н. Горелов, А. А. Залевская и др.; Отв. ред. Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 239 с.

Мутылина А. Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение» кодов (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. №1 (13). С. 52–60.

Мутылина А. Ю. Русско-китайское внутрифразовое переключение и смешение кодов. Автореф... канд. филол. н. Владивосток, 2012. 25 с.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений в 6-ти т. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полузнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. М.: РАН ИРЯ. 2007. 952 с.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 193 с.

Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург: Златоуст. 2012. 488 с.

Шаланки Ж., Кондратьева Н. В. Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 380–389.

Horváth L. Igei kódváltási stratégiák. Orosz igék, infinitívuszok udmurt mátrixmondatokban // A többnyelvűség dinamikája. Budapesti Finnugor Füzetek 23. Sz. Csepregi M., Salánki Zs. Budapest, 2018. Ol. 33–80.

Janurik B. The emergence of gender agreement in code-switched verbal constructions in Erzya-Russian bilingual discourse Language Empires in Comparative Perspective / Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. S. 197–217.

Németh Sz. A manysi kódváltások osztályozása // A többnyelvűség dinamikája. Budapesti Finnugor Füzetek 23. Sz. Csepregi M., Salánki Zs. Budapest, 2018. Ol. 81–114.

Salánki Zs., Kondratieva N. Interferencia és kódváltás a mai udmurt beszélt nyelvben // A többnyelvűség dinamikája. Budapesti Finnugor Füzetek 23. Sz. Csepregi M., Salánki Zs. Budapest, 2018. Ol. 165–208.

Wohlgemuth J. Typology of verbal borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 s.

Поступила в редакцию 07.09.2021

Кондратьева Наталья Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
e-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Шаланки Жужанна,

доктор философии, доцент,
университет им. Этвёша Лоранда,
1088, Венгрия, г. Будапешт, Музеум корут 4,
e-mail: salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

N. V. Kondratieva, Salanki Zsuzsanna

CODE-SWITCHING IN THE CONTEXT OF UDMURT-RUSSIAN BILINGUALISM (BASED ON VERB FORMS)

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-590-598

Abstract: on the one hand, code switching as a linguistic phenomenon is a speaker's transition from one language to another in the process of verbal communication, depending on the conditions of communication; on the other hand, it is the interaction of structures and structural elements of two languages. Its implementation in speech is due to a number of reasons: extralinguistic (external), intralinguistic (linguistic proper), psycho-physiological. The main purpose of this article is to identify the structural types as well as lexical and semantic characteristics of code switching, based on verb forms in the speech of native Udmurt speakers in the context of Udmurt-Russian bilingualism. In the course of the study, it was found that, in contrast to the nominal parts of speech, verbs are less susceptible to the phenomenon of code-switching. The matrix (Udmurt) language is characterized by three types of inclusion of verb forms from the donor language: a) the use of an auxiliary verb (light verb strategy);

b) indirect insertion, characterized by the attachment of special morphological markers; c) semantic borrowing. In terms of lexical and semantic characteristics, the phenomenon of code switching in the context of Udmurt-Russian bilingualism is most typical of verbal units reflecting the practical and spiritual (mental, emotional, volitional) activities of people. This proves the important role of the psycho-physiological factor in the emergence of switching codes.

Keywords: Udmurt language, Udmurt-Russian bilingualism, code-switching, matrix language, verb, lexico-semantic characteristics of the verb.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 590–598. In Russian.

REFERENCES

Balakina Yu. V., Sosnin A. V. Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funktsionirovaniya zaimstvovaniy s pozitsii kontaktnoi lingvistiki [Theoretical bases for code-switching and functions of borrowings from the perspectives of contact linguistics]. *Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [Proceedings of VGU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2015. № 2. P. 5–11. In Russian.

Baranova V. V. Adaptatsiya glagol'nykh zaimstvovaniy v mongol'skikh yazykakh [Adaptation of verbal borrowings in Mongolic]. *Vestnik VGU* [Bulletin of the Voronezh State University]. 2020. № 3 (38). P. 7–18. In Russian.

Galyamina Yu. E. Strukturnye tipy pereklyucheniya koda v rechi nositelej ischezayushchikh yazykov (na materiale ketskogo i evenkiskogo yazykov) [Structural typology of code-switching in the texts in endangered languages (on the Ket and Evenk data)]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2012. № 1(116). S. 96–100. In Russian.

Ibragimova V. L. Glagol v semanticheskom prostranstve leksiki [A verb in semantic field of lexics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Bashkir University. Philology and Art criticism series]. 2014. Vol. 19. № 2. P. 500–505. In Russian.

IRM – Issledovanie rechevogo myshleniya v psikholingvistike [Research of speech thinking in Psycholinguistics]. Ed. T. V. Akhutina, I. N. Gorelov, A. A. Zalevskaya.; Otv. red. E. F. Tarasova. Moscow, Nauka Publ., 1985. 239 p. In Russian.

Mutylyina A. Yu. O razgranichenii ponyatii «pereklyuchenie» i «smeshenie» kodov (na primere ustnoi rechi russko-kitaiskikh bilingvov v Pekine) [On ‘code-switching’ vs. ‘code-mixing’: analyzing the Russian-Chinese bilinguals’ colloquial speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2011. P. 52–60. In Russian.

Mutylyina A. Yu. *Russko-kitaiskoe vnutrifrazovoe pereklyuchenie i smeshenie kodov* [Russian-Chinese intra-phrase switching and code mixing]. Avtoref... kand. filol. n. Vladivostok. 2012. 25 p. In Russian.

RSS – Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenii v 6 t. [Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary that is systematized by word classes and meaning]. Moscow. RAN IRIYa Publ., 2007. 952 p. In Russian.

Chirsheva G. N. *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets, GOU VPO ChGU Publ., 2004. 193 p. In Russian.

Chirsheva G. N. *Detskii bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Children's bilingualism: simultaneous mastering of two languages]. Sankt-Peterburg. Zlatoust Publ., 2012. 488 p. In Russian.

Salánki Zs, Kondratieva N. Morfosintaksicheskaya interferentsiya v usloviyakh udmurtsko-russkogo bilingvizma [Morphosyntactic interference in the Udmurt-Russian bilingualism]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 3. P. 380–389. In Russian.

Horváth L. Igei kódváltási stratégiák. Orosz igék, infinitívuszok udmurt mátrixmondatokban [Strategies of verbal code-switching. Russian verbs and infinitives in Udmurt matrix sentences]. *A többnyelvűség megnyilvánulásai finnugor nyelvű közösségekben*. [Multilingual practices in Finno-Ugric communities]. Budapest, ELTE Bölcsészettudományi Kar Publ., 2018. P. 33–80. In Hungarian.

Janurik B. The emergence of gender agreement in code-switched verbal constructions in Erzya-Russian bilingual discourse. *Language Empires in Comparative Perspective*. Stolz Ch. (Ed.). Bremen, Institut für Deutsche Sprache Publ., 2015. P. 197–217. In English.

Németh Sz. A manyisi kódváltások osztályozása [The types of code-switching in Mansi language]. *A többnyelvűség megnyilvánulásai finnugor nyelvű közösségekben.* [Multilingual practices in Finno-Ugric communities]. Budapest, ELTE Bölcsészettudományi Kar Publ., 2018. P. 81–114. In Hungarian.

Salánki Zs, Kondratieva N. Interferencia és kódváltás a mai udmurt beszélt nyelvben. A többnyelvűség dinamikája. [Interference and code-switching in contemporary spoken Udmurt language]. *A többnyelvűség megnyilvánulásai finnugor nyelvű közösségekben.* [Multilingual practices in Finno-Ugric communities]. Budapest, ELTE Bölcsészettudományi Kar Publ., 2018. P. 165–206. In Hungarian.

Wohlgemuth J. *Typology of verbal borrowings.* Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2009. 459 p. In English.

Received 07.09.2021

Kondratieva Natalia Vladimirovna,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Udmurt State University,
1, Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Salánki Zsuzsanna,
PhD, Assistant Professor,
ELTE, BTK,
4, Múzeum körút, Budapest, 1088, Hungary.
e-mail: salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu